

Литература

1. *Андриєнко В. П.* Шпильки з поселення біля с. Пожарна Балка // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996.
2. *Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К.* Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. — Харьков, 1998.
3. *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.). — Киев; Краков, 2001.
4. *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ — К., 1980.
5. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. — К., 1967.
6. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. — К., 1994.
7. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. — Вып. Д 1–4. — М., 1964.
8. *Моруженко А. А.* К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы // Советская археология. — 1988. — № 1.
9. *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. — 1987. — № 59.
10. *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. — М., 1981.
11. *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. — Л., 1988.
12. *Шрамко Б. А.* Отчет 1962 г. о работе скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета им. А. М. Горького // Архив МАЭСУ. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 13.
13. *Шрамко Б. А.* Люботинское городище // Люботинское городище. — Харьков, 1998.

А. Н. Домановский

КОСВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ В ВИЗАНТИИ VIII–X вв.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Византийская администрация традиционно уделяла пристальное внимание проблемам снабжения городского населения продовольственными товарами. По всей видимости, становление собственно византийской системы организации и регулирования продовольственного снабжения горожан следует отнести к VII в., поскольку до этого в империи продолжали в той или иной мере функционировать позднеантичные механизмы поставок продуктов питания в крупные

города государства, и прежде всего — в Константинополь. Как известно, с потерей Египта античная система снабжения города потерпела крах, и корпорация навикуляриев, деятельность которой стала невозможной, сошла с исторической арены [12, с. 77; 17, с. 5]. Нужно было выработать принципиально новые механизмы организации продовольственного снабжения, которые могли эффективно действовать в новых исторических условиях. Безусловно, процесс перехода от одной системы к другой не мог быть мгновенным, но со временем ситуация стабилизировалась и на смену корпорации навикуляриев пришли независимые самостоятельные торговцы [17, с. 5; 9, с. 29–30; 21, с. 57]. Утверждение о «независимости» последних (прежде всего от регламентации со стороны государственных управленческих структур), закрепленной законодательными актами, ставшее, пожалуй, общим местом современной византистики [см.: 7, с. 245; 22, с. 8; 24, с. 45–46], никоим образом нельзя признать абсолютно верным. Государство, не регламентируя деятельность оптовых торговцев продовольствием прямо, все же могло влиять на установление ими цен на свой товар путем создания условий, определявших рыночную конъюнктуру, а именно: путем создания предписаний, стимулировавших и охранявших функционирование «механизмов обхода» посредников, с одной стороны — членами торговых систем, с другой — крестьянами [8, с. 92–93]. В данном случае мы можем говорить об открытии нового, «третьего» механизма установления «справедливой цены» на продовольственные товары [ср.: 24, с. 44–46] и имеем дело с так называемыми косвенными методами регулирования экономики [1, с. 5]. Регулирование деятельности купцов-оптовиков происходит, таким образом, прежде всего через рынок и рыночное хозяйство, выступающее как несущая опора экономического порядка и его единственная организующая сила [6, с. 134]. Однако рынок не предоставлен самому себе, он не является стихийным [ср.: 3, с. 44], а регулируется государством, и именно благодаря этому торговцы-оптовики в конечном счете «не были свободны в выборе, несмотря на кажущуюся свободу их поступков» [3, с. 45]. Такими были, используя меткое выражение Г. Е. Лебедевой, «реалии умолчания законодательства» [13, с. 16], прямо не нарушавшего суверенитет купцов в вопросах установления цен на продовольственные товары при их оптовой купле-продаже, но косвенно предопределявшего их действия. Исходя из этого, можно попытаться выявить основные цели и причины такой, как представляется, вполне сознательной политики государства в области ценообразования.

Совершенно очевидно, что в Византии VIII–X вв. существовали группы купцов-оптовиков, обеспечивавших доставку продуктов питания от

непосредственного производителя-крестьянина до членов торговых систем и через последних — к горожанам. Прежде всего, это представители провинциальной феодализирующейся знати, сосредотачивавшие в своих руках торговлю продуктами, получаемыми со своих угодий. Эти торговцы (преимущественно скотом) стремились монополизировать продажу продуктов питания, «захватить в свои руки ярмарки, базары» [20, с. 50].

Другой группой торговцев-оптовиков стали в VII в. купцы-посредники, развернувшие свою деятельность после потери Египта и исчезновения корпорации навикуляриев. Бывшие ее члены, как представляется, не спешили порывать традиционные контакты с производителями сельскохозяйственной продукции в неподвергнувшихся арабскому завоеванию регионах империи [ср.: 5, с. 133]. Это были относительно крупные торговцы-эмпоры, скупавшие на местах продовольствие и сырье для отправки его в города [17, III.34.40, с. 5, 7–8, 12, 14; 27, р. 112]. Общая схема их деятельности представляется следующей: купцы-посредники разворачивали свою деятельность на локальных ярмарках, скупали у крестьян продовольственные товары и переправляли их в города [19, с. 70].

Чтобы не допустить монополизации торговли продовольствием купцами-посредниками, не дать им «замкнуть на себя» весь путь доставки продуктов питания из крестьянского хозяйства в торговую систему, что позволило бы им установить собственный «диктат цен», правительство империи и предусмотрело вышеописанные «механизмы обхода» и косвенного регулирования.

О позиции государства по охране «обходных» механизмов от посягательств купцов ясно говорит Книга Эпарха, специально оговаривающая в одном из своих предписаний, что «скотопромышленники» «не смеют препятствовать хоритам приезжать и продавать в столице» скот, и, думается, также прочие продовольственные товары [7, XV.4; 24, с. 40; 23, с. 71]. В то же время посредническая торговля также не запрещалась [25, LIII.6.7]. Видимо, стремление держать под контролем этот пригородный торговый обмен и соблюдать права торговых контрагентов и было одной из важнейших причин распространения юрисдикции городского эпарха на стомильную зону вокруг столицы [7, IX.6, XV.3; 23, с. 56].

Решительные запреты законодательства существовали также на скупку товаров (в том числе и продовольственных) с целью спекуляции на случай недостатка — эндеи их в городе [7, X.2, XI.3, XIII.4, XVI.5, XX.3]. Согласно Василикам, купцы-посредники, занимавшиеся подобной деятельностью, а значит, посягавшие на основы изобилия — эвтении, ко-

торое всячески поддерживало государство в Константинополе, подлежали лишению права торговли [25, IX.22.6].

Этот закон уже прямо свидетельствует об определенной «несвободе» торговцев-оптовиков в области ценоустановления — как только они пытались нарушить действие «обходных механизмов», государство тут же пресекало эти попытки на основе действующего законодательства. Вероятно, именно на основании этого закона и действовало правительство в 960 г., когда лишь активное силовое вмешательство государственных структур помогло пресечь попытку торговцев-посредников заблокировать действие «механизмов обхода»: разослать специально уполномоченных чиновников, «чтобы ликвидировать скупку, прогнать купеческие суда и помешать хлеботорговцам припрятать хлеб» [18, с. 197 (гл. 13)].

Вышеописанная позиция государства, как представляется, связана с настойчивым, повторяющимся в разновременных юридических памятниках законом, запрещающим представителям знати заниматься торговой деятельностью, к которой те настойчиво стремились. Так, Иоанн Скилица и Георгий Кедрин, а также Лев Диакон сохранили свидетельства о том, что знатные лица занимались торговлей хлебом [26, р. 352; 14, IV.6 (с. 37); 7, с. 244; 11, с. 94]. Поскольку феодализирующаяся прослойка землевладельцев уже концентрировала в своих руках поступление сельскохозяйственной продукции от производителей, то получение ее представителями права еще и скупать продукты привело бы в конечном счете к полному диктату землевладельческого нобилитета в области оптовой торговли продовольствием. Ситуация усугублялась стремлением профессиональных торговцев к сближению с константинопольской знатью и приобретению земельной собственности [9, с. 152; 27, р. 144; ср.: 5, с. 156].

Судя по всему, это в конечном счете привело бы к консолидации двух микросоциальных групп в единую общественную страту. Последнее тем более вероятно, что и представители феодализирующейся знати, и торговцы-оптовики выполняли одну и ту же роль посредников между производителями сельскохозяйственной продукции и ее потребителями, а, как известно, единой социальной группой является «относительно однородная группа людей, занимающая одинаковое (или близкое) положение в обществе и выполняющая сходные общественные функции» [2, с. 19]. Возможность такой интеграции была тем более вероятной, что знать в Византии была по преимуществу не родовой, а служилой, а само общество отличалось высокой степенью вертикальной мобильности [10, с. 57–58].

В конечном счете, все вышеописанное неизбежно вело бы к слиянию торговой и землевладельческой верхушки общества, монополизи-

ровавшей в своих руках торговый обмен между городом и деревней, что, в свою очередь, в значительной степени нарушало бы (если не полностью ликвидировало) принцип косвенного государственного регулирования цен на продовольственные товары при оптовой их продаже. Безусловно, определенная возможность обхода крестьянами либо членами торговых систем посредников могла сохраниться, но слившаяся сильная социальная группа торговцев-посредников и феодализирующейся знати наверняка стремилась бы к его ограничению и даже полной ликвидации. При этом следует заметить, что это их стремление вполне могло бы увенчаться успехом, если учесть тот факт, что, объединяясь, оба слоя взаимно избавлялись от опасного конкурента, а купцы-оптовики к тому же получали в свои руки те рычаги политической власти, которых они были лишены ранее [11, с. 90].

Сознавая некоторую умозрительность такой схемы, ее все же можно принять в качестве гипотезы, ожидающей подтверждения конкретными свидетельствами источников. Пока же можно привести мнение М. Я. Сюзюмова, считавшего, что землевладельческая городская знать, «сконцентрировав в своих руках земледельческие поступления, доходы от морской торговли, политическое влияние... превратилась бы в аристократию подобно венецианской и превратила бы Византию и отдельные города-эмпории в аристократическую республику» [20, с. 48; 17, с. 14].

Вполне естественно, что государство препятствовало развитию такой (или подобной) тенденции путем применения вышеописанных прямых и косвенных механизмов регулирования торговых отношений в области обмена продовольственными товарами.

Известно, что правовая система Византии строилась с явным учетом внесловной политики государства, призванной обеспечивать справедливость для всех социальных страт [15, с. 123; ср.: 6, с. 134–135]. Для соблюдения этих постулированных принципов в рассмотренном нами процессе оптовой торговли продовольственными товарами, совершенно недостаточно было простого соблюдения рыночной свободы, и он должен был каким-то образом увязываться с поддержанием социальной гармонии со стороны государства [6, с. 134]. Купцы-оптовики, самовольно диктующие цену на продукты питания при оптовой их продаже, явно могли нарушить этот шаткий принцип социальной справедливости, и, сознавая возможность такой ситуации, ее социальную опасность, государство шло на введение определенных корректирующих мер косвенного регулирования.

Следует, однако, избегать прямолинейных выводов о Византии как государстве «всеобщей социальной справедливости» [15, с. 128].

Априорно можно выделить три группы византийского общества, имевшие желание или возможность влиять на политику государства в области оптовой торговли продовольствием: феодализирующаяся городская землевладельческая знать, торговцы-оптовики и чиновная бюрократия, причем в Византии именно последняя представляла собой властвующую элиту. Будет трюизмом доказывать, что бюрократия, как и любая другая социальная группа, имеет, помимо общегосударственных, свои собственные интересы и устремления, и, более того, наделена основными сословно-классовыми признаками [16, с. 41]. Вряд ли можно поэтому согласиться с А. П. Кажданом, считавшим, что византийская бюрократия «не создавала себя как целое» [10, с. 63].

Изложенный подход к объяснению феномена византийской бюрократии позволяет частично реабилитировать концепцию М. Я. Сюзюмова о том, что «византийская автократия существовала не потому, что она выражала интересы какой-либо определенной прослойки господствующего класса, а потому, что... имела возможность маневрировать между борющимися прослойками на протяжении длительного времени» [20, с. 51]. Приняв также во внимание то, что, по справедливому замечанию А. П. Каждана, «длительное существование монархии, не имеющей социального базиса и колеблющейся между двумя социальными группами» трудно даже представить [10, с. 63], находим эту необходимую социальную основу в страте чиновной бюрократии. Именно она, при наличии классового общества, может, «спекулируя на специфике и особенностях интересов и целей классов, удерживать за собой господствующее положение, представляя себя поборницей, защитницей и выразительницей интересов всеобщих» [4, с. 53].

На основе этого можно смоделировать следующий механизм маневрирования бюрократии между группой купцов-оптовиков и слоем городской землевладельческой знати, который позволял чиновникам в полной мере использовать существующие противоречия между этими двумя группировками (к примеру, конкурентную борьбу при закупке продуктов сельского хозяйства у крестьян и продаже продовольствия членам систем), не допуская их сближения. В то же время этот механизм позволял чиновникам не ущемлять ни одну из групп слишком открыто — именно с этим связана «косвенность» регулирования ценостановления при оптовой купле-продаже продуктов питания.

Литература

1. *Абалкин Л.* Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики // Вопросы экономики. — 1997. — № 6.

2. *Амосов Н. М.* Эвристические модели социальных систем//Кибернетика. — 1971. — № 2.
3. *Афанасьев В. Г.* Научное управление обществом. — 2-е изд., доп. — М., 1973.
4. *Богатырев П. И.* Гносеологические и социологические корни бюрократизма в системе управления//Методологические основы управления социальными процессами в условиях совершенствования социализма. — Калинин, 1988.
5. *Бородин О. Р.* Раннесредневековая Италия в VI—VII веках. — Барнаул, 1991.
6. *Варга В.* Роль государства в рыночном хозяйстве//Мировая экономика и международные отношения. — 1992. — № 11.
7. *Византийская книга Эпарха/Изд. М. Я. Сюзюмова.* — М., 1962.
8. *Домановский А. Н.* Государство и оптовая торговля продовольствием в Византии VIII—X вв.: скрытые механизмы социальной политики// Проблемы истории и археологии Украины. — Харьков, 2001.
9. *История Византии.* — М.: Наука, 1967. — Т. 2.
10. *Каждан А. П.* О социальной природе византийского самодержавия//Народы Азии и Африки. — 1966. — № 6.
11. *Каждан А. П.* Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.//ВВ. — 1956. — Т. 8.
12. *Курбатов Г. Л.* История Византии. — М., 1984.
13. *Лебедева Г. Е.* К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана)//ВВ. — 1992. — Т. 53.
14. *Лев Диакон.* История/Пер. М. М. Копыленко. — М.: Наука, 1988.
15. *Медведев И. П.* Isotes как принцип социальной справедливости у византийцев//ВВ. — 1989. — Т. 50.
16. *Мешков П. Я.* Бюрократизм и бюрократия в системе социально-политических отношений//Социально-политические науки. — 1992. — № 1.
17. *Морской закон/Изд. М. Я. Сюзюмова//АДСВ.* — 1969. — Вып. 6.
18. *Продолжатель Феофана/Изд. Я. Н. Любарского.* — СПб., 1992.
19. *Сорочан С. Б.* К вопросу о посреднической торговле в Византии VII—IX вв.//Вестн. Харьк. ун-та. — № 385: История. — Вып. 28.
20. *Сюзюмов М. Я.* Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии//Византийские очерки. — М., 1961.
21. *Сюзюмов М. Я.* Византийский город//ВВ. — 1967. — Т. 27.
22. *Сюзюмов М. Я.* Предпринимательство в византийском городе//АДСВ. — 1966. — Вып. 4.

23. *Сюзюмов М. Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов//ВВ. — 1956. — Т. 9.
24. *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI//ВВ. — 1959. — Т. 29.
25. *Basilicorum libri LX.* — Lipsiae, 1833. — Т. 1.; 1862. — Т. 5.
26. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylizae ope/Ab. Im. Bekkero.* — Bonnae, 1839. — Vol. 2.
27. *Sorochan S. B.* On the Problem of the Social Stratification of Merchants in the Byzantine Empire of the Seventh—Ninth Centuries//Acts XVIII International Congress of Byzantine Studies. Selected Paper. — Sheperdstown, 1996. — Vol. 2.

М. Е. Древаль

УЧЕННЫЕ ЗВАНИЯ В ПАРИЖСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (XII—XIII вв.)

Связанные с распространением новых тенденций в системе образования, XII—XIII вв. были отмечены рядом явлений, которые не только послужили толчком к основанию университетов, но и обусловили ряд изменений в сознании средневекового общества, в его отношении к людям, для которых наука стала не просто увлечением, а профессией, предусматривавшей передачу собственных знаний другим.

Неким символом принадлежности к науке, дающим право преподавания в высшей школе, стала ученая степень, которая обеспечивала своему обладателю ряд прав и привилегий. Путь к желанной степени бакалавра, магистра, доктора был долгим и нелегким, поэтому требовал от претендента не знатности и богатства, а тех качеств, которые помогли бы стать ему достойным представителем корпорации университетских ученых. Для этого нужны были не только недюжинный ум и истинная вера в Бога, но и верность университетским обычаям, аскетизм, скромность, а главное — верность научным идеалам и готовность посвятить избранному делу долгие годы своей жизни.

Возникновение средневековых университетов, а вместе с ними и профессии университетского преподавателя, связано со следующими общественными явлениями XII—XIII вв.: наряду с такими факторами, как рост городов, укрепление позиций бюргерства, распространение ересей, которые привели к существенным переменам в сознании средневекового человека, к расширению его кругозора, нужно учитывать и те факторы, что с развитием феодализма и складыванием централизованных монархий государству стали требоваться высококвали-